

·thebigbook·

Книги
Грегори Дэвида
РОБЕРТСА

ШАНТАРАМ

ТЕНЬ ГОРЫ

Грегори Дэвид
РОБЕРТС

ТЕНЬ ГОРЫ

Санкт-Петербург

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44
Р 58

Gregory David Roberts
THE MOUNTAIN SHADOW
Copyright © 2015 by Gregory David Roberts
All rights reserved

Перевод с английского
Василия Дорогокупли (части 1–5),
Александры Питчер (части 6–10),
Льва Высоцкого (части 11–15)

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-10812-7

© Л. Н. Высоцкий, перевод, 2016
© В. Н. Дорогокупля, перевод, 2016
© А. Питчер, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Одни эпизоды я беру из моей жизни и описываю почти без изменений, другие сочиняю, пусть и на основе собственного опыта. «Шантарам» и «Тень горы» — это романы, а не автобиографии; мои персонажи и диалоги — продукт фантазии. Для меня не имеет большого значения, насколько мои книги достоверны фактически; важнее другая достоверность — психологическая. Я радуюсь, когда меня спрашивают, как поживает Карла или как я запомнил все эти разговоры — разговоры, на сочинение которых у меня ушло столько лет. Очень хорошо, что люди думают, будто все это правда от первого слова до последнего, — значит я достоверно сочинил.

Но одной достоверности мало — нужно дать читателю то, за чем он будет возвращаться еще и еще, перечитывать и каждый раз находить что-то новое, на более глубоком уровне. Поэтому я использую множество аллегорических отсылок: в «Шантараме» — к дантовскому «Аду» и к Библии, в «Тени горы» — к «Энеиде» и «Эпосу о Гильгамеше». Аллегии подобны призракам: незримые и вездесущие, они пронизывают мой текст, рассказывая свои собственные истории — о древних битвах и горящих кораблях, о поиске любви и веры. Они как эхо в пещере, как отблески того же творческого пламени. И если благодарный читатель после моих книг обратится к первоисточникам — что ж, значит я исполнил свой долг перед теми, кто пришел раньше и сделал нас теми, кто мы есть.

*Грегори Дэвид Робертс
Последнее интервью. 5 октября 2015*

«Шантарам» был и остается международным суперхитом, «Тень горы» также обречена на успех.

Library Journal

Долгожданное продолжение «Шантарамы» не укладывается ни в какие рамки — и в этом-то самая прелесть. Главный герой Лин по прозвищу Шантарам — бывший заключенный, бежавший из австралийской тюрьмы, — колесит по Бомбею на мотоцикле, не боится ввязываться в драки, цитирует классиков и доблестно пытается залечить разбитое сердце.

Publishers Weekly

После прочтения первого романа Грегори Дэвида Робертса, «Шантарам», собственная жизнь покажется вам пресной... Робертса сравнивали с лучшими писателями, от Мелвилла до Хемингуэя.

Wall Street Journal

Мастерски написанный готовый киносценарий в форме романа, где под вымышленными именами выведены реальные лица... Он раскрывает нам Индию, которую мало кто знает.

Kirkus Review

В Австралии его прозвали Благородным Бандитом, потому что он ни разу никого не убил, сколько бы банков ни ограбил. А после всего он взял и написал этот совершенно прекрасный, поэтичный, аллегорический толстенный роман, который буквально снес мне крышу.

Это поразительный читательский опыт, — по крайней мере, я был поражен до глубины души. Я только что видел первый вариант сценария и уверяю вас: фильм будет выдающийся.

Джонни Депп

В своем романе Робертс описывает то, что сам видел и пережил, но книга выходит за рамки автобиографического жанра. Да не отпугнет вас ее объем: «Шантарам» — одно из самых захватывающих повествований о человеческом искуплении в мировой литературе.

Giant Magazine

Удивительно то, что после всего пережитого Робертс смог вообще что-нибудь написать. Он сумел выбраться из бездны и уцелеть... Его спасением была любовь к людям... Настоящая литература способна изменить жизнь человека. Сила «Шантарам» — в утверждении радости прощения. Надо уметь сопереживать и прощать. Прощение — это путеводная звезда в темноте.

Dayton Daily News

Книга насыщена колоритным юмором. Чувствуешь пряный аромат хаоса бомбейской жизни во всем его великолепии.

Minneapolis Star Tribune

Поистине эпическое произведение. Это необъятный, не уместающийся ни в какие рамки, непричесанный, неотразимый, неожиданный роман.

The Seattle Times

Если бы меня спросили, о чем эта книга, я ответил бы, что обо всем, обо всем на свете. Грегори Дэвид Робертс сделал для Индии то же, что Лоренс Даррелл для Александрии, Мелвилл для южных морей и Торо для озера Волден. Он ввел ее в круг вечных тем мировой литературы.

Пэт Конрой

Это увлекательная, неотразимая, многогранная история, рассказанная прекрасно поставленным голосом. Подобно шаману — ловцу привидений, Грегори Дэвиду Робертсу удалось уловить самый дух произведений Анри Шарьера, Рохинтона Мистри, Тома Вулфа и Марио Варгаса Льюсы, сплавить это все воедино силой своего волшебства и создать уникальный памятник литературы. Рука бога Ганеши выпустила на волю слона, чудовище бегаёт, выйдя из-под контроля, и тебя невольно охватывает страх за храбреца, вознамерившегося написать роман об Индии. Грегори Дэвид Робертс — гигант, которому эта задача оказалась по плечу, он блистательный гуру и гений, без всякого преувеличения.

Мозес Исезава

Человек, которого «Шантарам» не тронет до глубины души, либо не имеет сердца, либо мертв, либо то и другое одновременно. Я уже много лет не читал ничего с таким наслаждением. «Шантарам» — это «Тысяча и одна ночь» нашего века. Это бесценный подарок для всех, кто любит читать.

Джонатан Кэрролл

Это потрясающая, трогательная, страшная, великолепная книга, необъятная, как океан.

Detroit Free Press

Это всеобъемлющий, глубокий роман, населенный персонажами, которые полны жизни. Но самое сильное и отрадное впечатление оставляет описание Бомбея, искренняя любовь Робертса к Индии и населяющим ее людям... Робертс приглашает нас в бомбейские трущобы, опиумные притоны, публичные дома и ночные клубы, говоря: «Заходите, мы с вами».

Washington Post

Посвящается Богине

Часть
первая

ГЛАВА

Источник всего сущего — свет — может проявляться по-разному, и проявлений этих намного больше, чем звезд во Вселенной, поверьте. Порой всего лишь одной доброй мысли довольно, чтобы твой свет воссиял. В то же время один лишь неверный поступок способен испепелить заповедный лес в твоей душе, так что для тебя померкнет сияние всех звезд под всеми небесами. И догорающие угли потерянной любви или утраченной веры будут внушать тебе, что все кончено и жить больше незачем. Но это не так. И никогда так не было и не будет. Что бы ты ни делал и где бы ни очутился, сияние останется с тобой. Все светлое, что кажется умершим внутри тебя, вновь оживет, если ты по-настоящему этого захочешь. Сердце просто не в силах отрешиться от надежды, потому что сердце не умеет лгать. Перевернув страницу в книге жизни и подняв глаза, ты вдруг встретишь улыбку абсолютно незнакомого человека, и поиск пойдет по новому кругу. Но это не будет повторением прежнего. Всякий раз это нечто иное, нечто особенное. Так и твой заповедный лес, заново выросший на пепелище, может оказаться более густым и мощным, чем был до пожара. И если ты удержишься в этом сиянии, в этом новом круге света внутри себя, не помня зла и никогда не сдаваясь, рано или поздно ты вновь окажешься там, где любовь и красота сотворили мир: в самом начале. В начале начал.

— Ого, да это Лин! Вот так начало дня! — прокричал Викрам из влажного сумрака. — Как ты меня нашел? Когда ты вернулся?

— Только что, — сказал я и шагнул с веранды через порог широченных французских дверей. — Мне сказали, ты должен быть здесь. Выйди на минутку.

— Нет уж, лучше ты заходи, дружище, — рассмеялся Викрам. — Кое с кем познакомишься.

Я не спешил принять это приглашение. Двери закрылись, и после залитой солнцем улицы мои глаза различали в глубине

комнаты лишь стуски теней, рассеченные двумя лезвиями яркого света, который прорывался сквозь щели в опущенных жалюзи. И в этих узких лучах клубился дым с запахами гашиша и жженой ванили, последний — от курения плохо очищенного героина.

Позднее, вспоминая тот день, тяжелый дурмящий аромат, смутные тени и разрезающие комнату лучи, я задавался вопросом: уж не сама ли судьба пыталась меня уберечь, задерживая на входе и не пуская внутрь? И еще я спрашивал себя: насколько иной была бы моя жизнь, развернись я тогда и уйди прочь?

Варианты действий, которые мы выбираем, являются ветвями на гигантском дереве возможностей. И так уж вышло, что Викрам и незнакомцы в той комнате стали ветвями, которые на протяжении трех сезонов дождей тесно переплетались с моей ветвью в этих урбанистических джунглях любви, смерти и воскрешения.

Одну деталь я запомнил особо отчетливо: когда я (сам еще не понимая почему) в нерешительности застыл на пороге и возникший из сумрака Викрам взял меня за локоть, чтобы увлечь вглубь комнаты, я внезапно содрогнулся всем телом от прикосновения его влажной руки.

Самым примечательным объектом в этом просторном помещении была монументальная, длиной метра три, кровать у левой стены. На кровати лежал, вытянувшись и сложив руки на груди, мужчина в серебристой пижаме, не подававший признаков жизни. Во всяком случае, я не заметил ни малейшего движения его грудной клетки. По краям кровати слева и справа от него сидели двое и сосредоточенно набивали чиллумы¹.

Изрядную часть стены прямо над головой мертвого — или спящего мертвым сном — занимало изображение пророка Заратустры, почитаемого парсами².

Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядел у противоположной от входа стены три кресла, разделенные парой массивных старинных комодов; и в каждом из кресел кто-то сидел.

Еще там был огромный и очень дорогой персидский ковер на полу, а на стенах — множество фотографий людей в традиционных одеяниях парсов. У правой стены, напротив кровати, на мраморном столике разместились музыкальный центр. Неторопливое вращение двух потолочных вентиляторов почти не тревожило густые клубы дыма, витавшие в комнате.

¹ *Чиллум* — прямая трубка из глины или стекла (реже — из дерева, камня и др. материалов) с обточенным камешком внутри в качестве фильтра, традиционно используемая для курения гашиша и марихуаны. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Парсы* — жители Индии иранского происхождения, исповедующие зороастризм.

Викрам провел меня мимо кровати и представил человеку, сидевшему в ближайшем из трех кресел. Европейской внешности; ростом явно выше меня, судя по длинному телу и еще более длинным ногам (развалившись в кресле, он принял такую позу, словно лежал в ванне, высоко задрав колени). На вид ему было лет, наверно, тридцать пять.

— Это Конкэннон, — сказал Викрам, подталкивая меня вперед. — Он из ИРА¹.

Рука, пожимавшая мою, была теплой, сухой и очень сильной.

— К чертям собачьим ИРА! — произнес он с характерным североирландским акцентом. — Я ольстерец, из Ассоциации обороны², хотя такие нюансы выше понимания сраных дикарей вроде этого Викарама.

Мне понравился решительный блеск в его глазах, но не понравилась его грубость. Кивнув в знак приветствия, я прервал рукопожатие.

— Не слушай его, — сказал Викрам. — Он вечно хамит и обливает всех грязью, зато оттянуться по полной может так, как никто из иностранцев, а уж я-то их повидал.

Говоря это, он подвел меня к среднему креслу. Сидевший в нем молодой человек как раз в тот момент раскуривал чиллум с гашишем от спички, которую ему поднес сосед из третьего кресла. Пламя втянулось в трубку, а затем выплеснулось на выдохе, взметнувшись над головой курильщика.

— *Бом Шанкар!*³ — крикнул Викрам, протягивая руку к трубке. — Лин, это Навин. Он частный детектив. Клянусь честью, настоящий детектив! Навин, это Лин, о котором я тебе рассказывал. Он врачует людей в трущобах.

Молодой человек поднялся и пожал мне руку.

— Вообще-то, я не так чтобы настоящий детектив, пока что, — промолвил он и криво улыбнулся.

— Не беда, — сказал я, улыбаясь в ответ. — А я не так чтобы настоящий врач, если на то пошло.

¹ *ИРА (Ирландская республиканская армия)* — радикальная националистическая организация, добывающаяся отделения Северной Ирландии от Великобритании и воссоединения ее с Ирландской Республикой. В 2005 г. руководство ИРА объявило о прекращении вооруженной борьбы, но одна из отколовшихся фракций, «Подлинная ИРА», продолжила террористическую деятельность.

² *Ассоциация обороны Ольстера* — протестантская военизированная группировка в Северной Ирландии, созданная в противовес католической ИРА. В 2010 г. группировка объявила о своем разоружении.

³ *Бом Шанкар!* — одна из мантр, выкрикиваемых индийскими курильщиками гашиша перед затяжкой. По сути, это приветственное обращение к Шиве, богу-покровителю чараса (гашиша). Шанкар — одно из многих имен этого бога.

Третий человек, перед тем подносивший спичку к чиллуму, затыкнулся в свою очередь и предложил трубку мне. Я изобразил вежливый отказ, и тогда он передал ее одному из мужчин, сидевших на кровати.

— Винсон, — представился он; рука при пожатии напомнила мне лапу большого добродушного пса. — Стюарт Винсон. Много о вас слышан, старина.

— Да о Лине здесь слышана любая подзаборная шавка, — заявил Конкэннон, принимая трубку у одного из людей с кровати. — Викрам трещит о тебе с утра до ночи, как сопливая фанатка о любимой поп-звезде. Лин то, Лин сё, Лин туда, Лин сюда и хрен знает куда еще. Признайся, Викрам, ты у него отсасывал? Он и впрямь так хорош или это просто байки?

— Боже правый, Конкэннон! — воскликнул Винсон.

— А что такого? — удивился Конкэннон. — Что такого? Я всего лишь задал человеку вопрос. Индия пока еще свободная страна, не так ли? По крайней мере, в тех ее частях, где говорят по-английски.

— Не обращай внимания, — сказал мне Винсон, пожимая плечами. — Уж таков он есть и ничего не может с собой поделаться. У него типа херачий синдром Туретта¹.

Американец Стюарт Винсон обладал крепким телосложением, широкими и правильными чертами лица и копной светлых волос, как будто растрепанных сильным порывом ветра, что придавало ему вид бесшабашного морского бродяги, этакого яхтсмена-одиночки в кругосветном плавании. На самом же деле он был наркоторговцем, и весьма преуспевающим. Я слышал о нем, точно так же как он слышал обо мне.

— А это Джамал, — сказал Викрам, пропустивший мимо ушей слова Винсона и Конкэннона и теперь знакомивший меня с человеком на левой стороне кровати. — Сам импортирует сырье, сам его перерабатывает, сам фасует и сам же выкуривает. Все-в-одном.

— Все-в-одном, — повторил Джамал.

Он был тощий, с глазами-хамелеонами и весь в священных амулетах с головы до ног. Впечатленный таким благочестием, я бегло оглядел коллекцию и успел опознать символику пяти крупнейших религий, прежде чем зацепился взглядом за его улыбку.

— Все-в-одном, — сказал я.

— Все-в-одном, — повторил он.

¹ *Синдром Туретта* — впервые научно описанный французским врачом Жилем де ла Туреттом (1857–1904) вид нервного расстройства, сопровождаемого множественными тиками и периодическим выкрикиванием бранных слов и оскорблений.

— Все-в-одном, — сказал я.

— Все-в-одном, — повторил он.

Я был готов продолжить эту интересную беседу, но меня прервал Викрам.

— Билли Бхасу, — объявил он, представляя мне тщедушного человечка с кожей кремового цвета, который сидел на кровати по другую сторону от неподвижного тела.

Билли Бхасу соединил ладони в приветствии, после чего продолжил чистку одного из чиллумов.

— Билли Бхасу — «доставала», — сообщил мне Викрам. — Он может мигом достать все, что угодно. Все, что только пожелаешь, от девчонки до мороженки. Испытай его. Прямо сейчас. Попроси достать мороженое, и ты получишь его тут же. Только скажи!

— Но я не хочу...

— Билли, достань Лину мороженое!

— Один момент, — сказал Билли, откладывая в сторону чиллум.

— Нет, Билли, — сказал я с протестующим жестом. — Я не хочу мороженого.

— Но ты ведь любишь мороженое, я знаю, — сказал Викрам.

— Не настолько, чтобы посылать за ним гонца. Сиди спокойно, приятель.

— Если уж он собрался что-то достать, — прозвучал из тени голос Конкэннона, — я голосую за то и другое: за мороженое и за девчонку. За двух девчонок. И побыстрее шевели своей жопой!

— Ты его слышал, Билли? — спросил Викрам.

Он шагнул к кровати и начал стаскивать с нее Билли, но в этот миг раздался новый голос, глубокий и звучный, исходивший от распростертого на кровати тела. При звуках его Викрам замер, как под дулом пистолета.

— Викрам, — сказал этот голос, — ты ломаешь мне кайф, старик!

— О черт! О черт! О черт! Прошу прощения, Деннис, — быстро забормотал Викрам. — Я тут просто знакомлю Лина с ребятами, ну и...

— Лин, — произнес человек на постели и, открыв глаза, уставился на меня.

Глаза были на удивление светлыми, с бархатистым сиянием.

— Меня зовут Деннис. Рад познакомиться. Будьте как дома. *Mi casa es su casa*¹.

Я подошел и пожал вялое птичье крылышко, приподнятое навстречу мне Деннисом, а затем вернулся к изножью кровати.

¹ Мой дом — ваш дом (*исп.*).

Деннис провожал меня взглядом. Губы его сложились в слабую доброжелательную улыбку.

— Ух ты! — сказал Викрам, становясь рядом со мной. — Деннис, дружище, рад видеть тебя вернувшимся. И как оно было на той стороне?

— Было тихо, — выдохнул Деннис, не прекращая улыбаться мне. — Очень тихо. Вплоть до недавних мгновений.

К нам присоединились Конкэннон и Навин Адэр, начинающий детектив. И все глазели на Денниса.

— Это большая честь, Лин, — сказал Викрам. — Деннис глядит *на тебя*.

Ненадолго установилось молчание, прерванное Конкэнноном.

— Вот ни хрена себе! — прорычал он сквозь ухмылку, скорее похожую на оскал. — Я торчу здесь уже гребаных полгода, делюсь опытом и знаниями, курю твою дурь и пью твой виски, и за все это время ты лишь дважды открыл глаза. Но стоило только Лину войти в дверь, и ты уставился на него так, будто он весь горит ярким пламенем. Ну а я-то кто, по-твоему: кусок говна ходячий?

— По всему, так прямо вылитый, — негромко заметил Винсон.

Конкэннон расхохотался. Деннис моргнул.

— Конкэннон, — прошептал он, — я люблю тебя, как доброго призрака, но ты ломаешь мне кайф.

— Прости, Деннис, дружище, — ухмыльнулся Конкэннон.

— Лин, — произнес Деннис, в то время как его голова и тело сохраняли полную неподвижность, — не сочти меня грубым, но сейчас я должен отдохнуть. Был рад тебя повидать.

Он повернул голову на один градус в сторону Викрама.

— Викрам, — пробормотал он все тем же густым рокочущим басом, — будь добр, кончай эту суету. Ты ломаешь мне кайф, приятель. Сделай одолжение, заткнись.

— Конечно, Деннис. Извини.

— Билли Бхасу? — тихо позвал Деннис.

— Я тут, Деннис.

— К черту мороженое.

— К черту мороженое, Деннис?

— К черту мороженое. Никто не получит мороженого. Только не сегодня.

— Как скажешь, Деннис.

— Значит, с мороженым все ясно?

— Да: к черту мороженое, Деннис.

— И я не хочу слышать слово «мороженое» как минимум в ближайшие три месяца.

— Как скажешь, Деннис.

— Вот и ладно. А теперь, Джамал, набей мне еще один чиллум. Побольше и позабористей. Гигантский, легендарный чиллум. Это будет как акт милосердия, почти наравне с чудом. Всем пока — и здесь, и там.

Деннис сложил на груди руки, закрыл глаза и вернулся к своему отдыху: застывший как мертвец, при пяти слабых вдохах в минуту.

Никто не шевелился и не подавал голоса. Джамал со всей возможной оперативностью занялся приготовлением легендарного чиллума. Все прочие смотрели на Денниса. Я дернул Викрама за рубашку.

— Давай-ка выйдем, — сказал я и потянул его прочь из комнаты. — Всем пока — и здесь, и там.

— Эй, подождите меня! — позвал Навин, выскакивая вслед за нами из французских дверей.

На улице свежий воздух взбудрил Викрама и Навина. Шаг их ускорился, подстраиваясь под мой.

В тенистом коридоре, образуемом стенами трехэтажных домов и густыми кронами платанов, дул бриз, принося рыбный запах с близлежащего причала Сассуна.

В промежутках между деревьями на улицу прорывались лучи солнца. Попадая в очередное пятно слепящего жара, я чувствовал, как меня накрывает солнечный прилив, чтобы затем вновь отхлынуть под сенью листьев.

Небо было бледно-голубым, затянутым легкой дымкой — как обкатанное волнами стекло. На крышах автобусов сидели вконец обленившиеся вороны, «зайцами» перемещаясь в сторону более прохладных частей города. Крики людей, кативших ручные тележки, звучали решительно и свирепо.

Это был один из тех ясных бомбейских дней, когда жители города, мумбаиты, испытывают непреодолимое желание петь; и я услышал, как проходивший мне навстречу человек напевает ту же самую любовную песню на хинди, что в тот момент мурлыкал и я.

— Забавно, — сказал Навин. — Вы с ним оба пели одну песню.

Я улыбнулся и хотел было исполнить еще пару-другую куплетов — как у нас принято в стеклянно-голубые бомбейские деньки, — но тут Викрам вмешался с вопросом:

— Ну и как все прошло? Забрал?

Я стараюсь не слишком часто ездить в Гоа, в том числе и потому, что при каждой такой поездке знакомые нагружают меня всякими дополнительными поручениями. Вот и на сей раз, когда я тремя неделями ранее сказал Викраму, что собираюсь в Гоа, он попросил меня об услуге.

Как выяснилось, он отдал тамошнему ростовщику-акуле одно из свадебных украшений своей матери — ожерелье с мелкими рубинами — в залог при получении ссуды. Деньги с процентами Викрам вернул, но ростовщик отказался возвращать ожерелье. Он потребовал, чтобы Викрам лично явился за ним в Гоа. Зная, что ростовщик с почтением относится к мафии Санджая, на которую я работал, Викрам попросил меня потолковать с этим типом.

Я это сделал и добыл ожерелье, хотя Викрам сильно переоценил почтение ростовщика к нашей мафии. Я проторчал в Гоа лишнюю неделю, пока тот водил меня за нос, отменяя одну назначенную встречу за другой и оставляя записки с оскорблениями в адрес меня и людей Санджая; но в конечном счете ожерелье он вернул.

Впрочем, к тому моменту у него уже не оставалось другого выбора. Он был акулой, но мафия, которую он оскорбил, была акульей стаей. Я привлек четырех местных парней, которые также работали на Санджая. Впятером мы отметилили за милую душу крышевавших акулу бандитов и обратили их в бегство.

Потом мы добрались до ростовщика, и тот отдал мне ожерелье. Далее один из моих местных помощников победил его в честном бою и продолжил бить уже бесчестно, пока почтение акулы к мафии Санджая не возросло до вполне удовлетворительных размеров...

— Ну и как? — не унимался Викрам. — Ты забрал его или нет?

— Держи, — сказал я, доставая ожерелье из кармана пиджака.

— Чудесно! Ты справился! Я знал, что могу на тебя положиться. С Дэнни были какие-нибудь осложнения?

— Вычеркни этот источник займов из своего списка.

— *Тхик*¹, — сказал Викрам.

Он вытянул ожерелье из синего шелкового мешочка, и рубины загорелись на солнце, окровавив своим сиянием его сложенные в пригоршню ладони.

— Послушай, я... я должен прямо сейчас отвезти это к моей маме. Хотите, парни, я вас подброшу?

— Тебе же совсем в другую сторону, — сказал я, когда Викрам взмахом остановил проезжавшее такси. — А мне и пешком недолго до «Леопольда». В тех краях припаркован мой байк.

— Если ты не против, я бы прошелся немного с тобой, — предложил Навин.

— Дело твое, — сказал я, наблюдая за тем, как Викрам прячет шелковый мешочек под рубашку, для надежности.

¹ Ладно (*хинди*).

Он уже начал садиться в машину, когда я придержал его и, наклонившись поближе, тихо сказал:

— Ты что с собой творишь?

— О чем ты?

— Не финти, Вик, я же просек по запаху.

— Какие финты! — запротестовал он. — Ну да, слегка догнал-ся коричневым, и что с того? Дурь-то не моя, а Конкэннона. Он заплатил, а я только...

— Ладно-ладно, не заморачивайся.

— Я никогда не заморачиваюсь, ты меня знаешь.

— Некоторые люди могут по своей воле спрыгнуть с героина, Вик. Допустим, Конкэннон из таких. Но не ты, и тебе самому это отлично известно.

Он улыбнулся, и пару секунд я видел перед собой прежнего Викрама: того Викрама, который сам отправился бы в Гоа вызволять ожерелье, не обращаясь за помощью ко мне или кому-то другому; того Викрама, у которого вообще не возникло бы необходимости в такой поездке, поскольку он ни за что не отдал бы в залог драгоценности своей матери.

Улыбка погасла в его глазах, когда он садился в такси. Я проводил его взглядом, понимая опасность ситуации, в которой он оказался: неисправимый оптимист, выбитый из колеи несчастной любовью.

Когда я продолжил путь, ко мне сбоку пристроился Навин.

— Он много говорит о девушке, об англичанке, — сказал Навин.

— Это одна из тех историй, которые обязаны иметь счастливый конец, но в жизни такое случается редко.

— Он также много говорит о тебе, — сказал Навин.

— У него длинный язык.

— И еще он говорит о Карле, Дидье и Лизе. Но больше всего он говорит о тебе.

— У него слишком длинный язык.

— Он говорил мне, что ты сбежал из тюрьмы. И что ты до сих пор в розыске.

Я остановился:

— Теперь уже твой язык удлинился не в меру. Это что, языковая эпидемия?

— Нет, позволь мне объяснить. Ты помог одному моему другу, Аслану...

— Что?

— Мой друг...

— О чем ты говоришь?

— Это случилось недели две назад, ночью, неподалеку от причала Балларда. Ты помог ему, когда он влип в историю.

И я вспомнил ту ночь и молодого парня, бегущего мне навстречу по широкой улице в деловом районе Баллард, — по обе стороны там сплошными стенами запертые офисные здания, некуда свернуть и негде укрыться. Преследователи настигают, и парень останавливается (три тени от уличных огней расходятся от него в разные стороны). Он уже готов принять бой в одиночку, и тут вдруг выясняется, что он не одинок...

— Ну и в чем дело?

— Он умер. Три дня назад. Я пытался тебя найти, но ты был в Гоа. И сейчас я пользуюсь случаем, чтобы сказать тебе это.

— Что именно сказать?

Он замялся. Я был с ним нарочито резок после упоминания побега и сейчас хотел скорее перейти к сути дела.

— Мы с ним подружились в университете, — начал он ровным голосом. — Аслан любил бродить по ночам в опасных местах. Как и я. Да и ты тоже — иначе как бы ты оказался в том месте той ночью, чтобы ему помочь? И я подумал, что ты, может быть, захочешь узнать, что с ним стало.

— Ты меня за дурака держишь?

Мы стояли на тротуаре в негустой тени платанов, в каких-то дюймах друг от друга, и нас огибали потоки пешеходов.

— С чего ты взял?

— Ты сейчас выложил козырь — знание о моем побеге из тюрьмы — только для того, чтобы сообщить мне печальную новость о смерти Аслана? Только поэтому? Ты настолько чокнутый или настолько славный парень?

— Полагаю, — сказал он, начиная злиться, — что я настолько славный. Наверно, я даже слишком славный, поскольку решил, что мое сообщение для тебя хоть что-нибудь значит. Сожалею, что тебя побеспокоил. Не хочу быть назойливым. Извини. Я пошел. Я задержал его.

— Погоди-ка! — сказал я. — Погоди!

По сути, с ним все было правильно: открытый взгляд, уверенность в собственной правоте и светлая улыбка в придачу. Инстинкт обычно распознает своих. Вот и мой инстинкт распознал своего в этом парне, который стоял передо мной с таким рассерженным и оскорбленным видом. С ним все было правильно, честь по чести, — а такое встречаешь не часто.

— Ладно, я перегнул палку, — сказал я, поднимая руку в примирительном жесте.

— Да я без претензий, — ответил он, успокаиваясь.

— Тогда вернемся в Викраму, проболтавшемуся о моем побеге. Информация такого рода может вызвать интерес у Интерпола — и уж точно всегда вызывает интерес у меня. С этим все ясно?

То был не вопрос, и он меня понял.

— В гробу я видал Интерпол.

— Но ты же детектив, как-никак.

— В гробу я видал детективов. Это информация о друге, которую нельзя скрывать от этого друга, если случайно получил к ней доступ. Или ты не в курсе таких простых вещей? Я вырос на улицах, вот на этих самых улицах, и я это знаю четко.

— Однако мы с тобой не друзья.

— Пока что нет, — улыбнулся Навин.

Несколько секунд я молча смотрел на него.

— Ты любишь ходить пешком?

— Люблю ходить пешком, болтая языком, — сказал он, стараясь шагать в ногу со мной, насколько этому позволяло хаотичное перемещение по тротуару других пешеходов.

— В гробу я видал Интерпол, — повторил он чуть погодя.

— И болтать языком ты действительно любишь?

— Как и ходить пешком.

— Хорошо, тогда расскажи мне на ходу три короткие истории.

— Запросто. О чем первая прогулочная история?

— О Деннисе.

— Честно говоря... — Навин рассмеялся, увернувшись от женщины, которая тащила на голове здоровый бумажный тюк. — Сегодня я был там впервые, как и ты. К тому, что ты видел своими глазами, могу добавить лишь то, что я слышал.

— Так расскажи мне, что ты слышал.

— Его родители умерли. Говорят, это сильно его потрясло. Семья была богатой. Они владели каким-то патентом, который до сих пор приносит немалый доход. Порядка шестидесяти миллионов, по словам Денниса.

— Его обитель уж никак не тянет на шестьдесят миллионов долларов.

— Все его деньги переданы в доверительное управление, пока сам он погружен в транс.

— Пока он лежит как бревно, ты это имел в виду?

— Он не просто лежит как бревно. Деннис пребывает в состоянии самадхи¹. Его сердцебиение и дыхание замедляются и почти сходят на нет. Время от времени даже наступает клиническая смерть.

— И ты хочешь, чтобы я этому поверил, детектив?

— Все так и есть, — улыбнулся он. — За последний год несколько врачей констатировали его смерть, но Деннис всегда

¹ *Самадхи* — состояние просветления и умиротворения, последняя из восьми ступеней, ведущих к нирване.

пробуждался вновь. Джамал, который Все-в-одном, коллекционирует свидетельства о его смерти.

— Надо полагать, эти периодические умирания Денниса нехило напрягают его священника и его бухгалтера.

— Пока Деннис лежит в трансе, всеми его финансами ведают управляющие, которые выделяют ему достаточно средств на квартиру, где мы сегодня встретились, и на поддержание себя в нужной степени просветленности.

— Ты все это узнал случайно или выведal как детектив?

— Понемногу того и другого.

— Что ж, — сказал я, останавливаясь, чтобы не попасть под машину, которая разворачивалась с заездом на тротуар, — каким бы высоким и полным ни был его улет, я могу лишь признать, что он самый бревноподобный из всех улетчиков, мною виденных.

— Тут он вне конкуренции, — ухмыльнулся Навин.

Мы немного помолчали, осмысливая данный факт.

— О чем вторая история? — спросил Навин.

— Конкэннон, — сказал я.

— Он боксирует в одном спортзале со мной. Я о нем мало что знаю, но могу сказать пару вещей.

— А именно?

— Во-первых, у него очень коварный и жесткий хук слева — как из пушки. Но в случае промаха его заносит.

— Заносит?

— Всякий раз. Он проводит джеб левой, затем бьет правой в корпус и тут же запускает свой левый хук. Но если уйти от хука, он раскрывается для встречного удара. Правда, он очень быстрый и редко промахивается. Боксирует он что надо.

— Теперь во-вторых.

— Во-вторых, это через него я получил доступ к Деннису. Деннис его любит. Когда он выходит из транса, то общается с Конкэнноном дольше, чем с кем-либо другим. Я слышал, он даже собирается законным порядком усыновить Конкэннона. Но это непросто, поскольку тот старше Денниса, и к тому же он иностранец. Я не уверен, что есть прецеденты усыновления индийцем белого человека, который старше своего приемного отца.

— А что это значит, «доступ к Деннису»?

— Тысячи людей стремятся попасть к Деннису, когда он в трансе. Они думают, что в периоды своей *временной* смерти он может контактировать с теми, кто умер *окончательно*. Но почти никому не удается туда войти.

— Кроме тех случаев, когда ты просто стучишься в дверь иходишь.

— Ты не понял. Никто *не осмелится* просто так постучать и войти, когда Деннис в трансе.

— Да брось ты!

— Во всяком случае, никто ни разу не осмелился до того, как это сделал ты.

— Денниса мы уже обсудили, — сказал я, пропуская большую тележку, которую катили сразу четыре человека. — Вернемся к Конкэннону.

— Как я говорил, он боксирует в спортзале. Дерется грязновато, как уличный боец. Из остального знаю только, что он любит вечеринки и шумные компании.

— Язык у него поганый. Если человек дожил до его лет с таким поганым языком, значит за ним есть еще что-то посерьезнее.

— Ты считаешь, мне стоит к нему приглядеться?

— Только к его оборотной стороне.

— Ладно. А третья история? — спросил он.

Я свернул с тротуара на узкую дорожку.

— Куда мы идем? — спросил он, следуя за мной.

— Хочу выпить сока.

— Сока?

— День жаркий. Что странного в таком желании?

— Ничего. Отлично. Я люблю сок.

Тридцать девять градусов в Бомбее, охлажденный арбузный сок, вентиляторы низко над головой работают на третьей скорости: блаженство.

— Итак... ты у нас детектив? Это всерьез?

— Да. Все началось со случайности, но теперь я занимаюсь этим делом уже почти год.

— И что это за случайность, превращающая обычных людей в детективов?

— Я учился на юриста, — сказал он, — и был уже на последнем курсе, когда мне попала одна монография о частных детективах и их сотрудничестве с судебной системой. Что меня реально заинтересовало, так это описание детективной работы, причем заинтересовало настолько, что я бросил учебу и подался в частный сыск.

— Ну и как оно там?

Навин рассмеялся:

— Супружеская измена — явление более здоровое по своей сути, чем, например, игра на фондовой бирже, и намного более предсказуемое. Я провел несколько таких дел, но потом решил, что с меня хватит. В паре со мной работал еще один детектив, обучивший меня азам. Сам он уже тридцать пять лет копается в грязном белье, и до сих пор ему это в охотку. А мне нет. Для загулявших на стороне мужей это всякий раз приключение. А для меня их делишки — тоска зеленая, вечно одно и то же.

— И чем ты занялся, покинув тучные пастбища супружеских измен?

— С той поры я нашел двух пропавших собак, одного пропавшего мужа и, до кучи, пропавшую кастрюлю-кассероль. Похоже, все мои клиенты, благослови их бог, попросту слишком ленивы или слишком спесивы, чтобы лично заниматься такой ерундой.

— Но тебе ведь нравится работа детектива? Адреналин и все такое?

— Знаешь, что мне нравится в этом деле? Здесь в конечном счете ты докапываешься до правды. Как юрист, ты можешь себе позволить лишь часть правды, какую-то ее версию. А здесь все реально, даже если это всего лишь старая фамильная кассероль. Ты имеешь дело с реальностью, которую нельзя исказить или перевернуть.

— И ты намерен продолжать в том же духе?

— Не знаю. — Он улыбнулся, глядя мимо меня. — Думаю, это будет зависеть от того, насколько я хорош.

— Или насколько плох.

— Да, или насколько плох.

— Между прочим, мы уже перешли к третьей истории, — сказал я. — Тема: Навин Адэр, индийско-ирландский частный сыщик.

Он засмеялся, сверкнув белыми зубами, но смех очень быстро угас.

— Да тут и рассказывать особо нечего.

— Навин Адэр, — повторил я имя. — Интересно, какая половинка твоей задницы получает больше пинков, индийская или ирландская?

— Я слишком белый для азиатов и слишком азиатский для белых, — усмехнулся он. — Мой отец...

Для многих из нас за словом «отец» скрывается обширная область воспоминаний с крутыми скалистыми пиками и затерянными долинами. Я вместе с ним преодолел все складки этого ландшафта, терпеливо дожидаясь, когда он вернется к заданной теме.

— ...И мы с мамой остались нищими после того, как он нас бросил. Мы жили на улице, пока мне не исполнилось пять лет, хотя я почти не помню то время.

— А что случилось потом?

Он окинул взглядом улицу с ее калейдоскопом красок и эмоций.

— Отец умер от туберкулеза, — сказал Навин, — а в завещании все отписал маме. И вдруг оказалось, что за последние годы он сколотил недурной капиталец. Мы в одночасье сделались богатыми, и...

— ...и все изменилось.

Взглядом он дал мне понять, что и так поведал более чем достаточно.

Вентилятор, вращавшийся всего в нескольких дюймах от моего затылка, начал вызывать у меня ледящую головную боль. Я подозвал официанта и попросил снизить скорость до второй.

— Замерзаете? — насмешливо спросил он, положив руку на переключатель. — Сейчас я покажу вам настоящий холод.

И включил ураганную пятую скорость, так что вскоре у меня начали застывать щеки. Мы расплатились и покинули кафе, услышав за спиной «до свидания» официанта, и тотчас последовал его призывный вопль:

— Второй столик снова свободен!

— Мне понравилось это заведение, — сказал Навин уже на улице.

— В самом деле?

— Да. Отличный сок, наглые официанты. Самое то.

— Мы с тобой и вправду можем подружиться, детектив.

И, надо думать, мы подружимся.

ГЛАВА

2

Память, мой возлюбленный недруг, порой включается в самый неподходящий момент. Воспоминания о тех бомбейских днях накатывают на меня столь внезапно и живо, что я выпадаю из настоящего времени и забываю о делах насущных. Промелькнет улыбка, зазвучит песня, и вот я уже унесен в прошлое: валяюсь в постели давним солнечным утром, гоню на мотоцикле по горной дороге или, связанный и избитый, умоляю судьбу дать мне хоть какой-нибудь шанс. И я люблю каждый миг этого прошлого, каждый миг встречи с другом или врагом, каждый миг ярости или прощения — каждый миг жизни. Вот только память зачастую уносит меня пусть и в правильное место, но в неправильное время, что порождает болезненные конфликты с реальностью.

По идее, после всего, что я натворил и что сотворили со мной, я должен был бы ожесточиться. Мне не раз говорили, что надо быть злее и жестче. Как заметил один старый экз: «Ты мог бы стать в натуре крутым авторитетом, будь в тебе хоть капля чистой злости». Но таким уж я уродился, без капли злости или горечи, и таким остаюсь по сей день. Мне случалось впадать в ярость

или в отчаяние, и до недавних пор я слишком часто делал дурные вещи, но никогда я не испытывал ненависти к кому бы то ни было и никогда не задавался целью причинить зло другим, даже моим мучителям. Конечно, хорошая порция злости может иной раз пригодиться в порядке защитной реакции, но я знаю, что врата цинизма непроходимы для светлых воспоминаний. А я дорожу своими воспоминаниями, хоть и несвоевременно меня посещающими, — в том числе и воспоминанием о тех самых минутах на бомбейской улице, когда жаркие пятна солнца растекались по асфальту в просветах между платанами; когда бесстрашные девочки шныряли на скутерах в плотном потоке транспорта; когда тележечники натужно, но с неизменной улыбкой катили мимо меня свой груз; когда я познакомился с молодым индийско-ирландским детективом по имени Навин Адэр.

Какое-то время мы с ним продолжали путь молча, лавируя между машинами и встречными пешеходами, уклоняясь от велосипедистов и тележек в нескончаемом танце уличной жизни.

Перед распахнутыми воротами пожарной части что-то с хохотом обсуждала компания в темно-синих брезентовых робах. В глубине депо маячила пара огромных пожарных машин, сверкая на солнце хромированными деталями и красной полировкой кузова.

К стене у входа было пристроено небольшое, но щедро разукрашенное святилище Ханумана¹, плакат рядом с которым гласил:

**ЕСЛИ ЖАРА КАЖЕТСЯ ВАМ НЕСТЕРПИМОЙ,
СРОЧНО ПОКИНЬТЕ ГОРЯЩЕЕ ЗДАНИЕ.**

Далее мы вступили в торговые ряды, которые растеклись вдоль улицы, выплеснувшись за пределы главного рынка Колабы. Торговцы стеклом, рамками для картин, пиломатериалами, скобяными изделиями, электротоварами и сантехникой постепенно уступали место вещевым, ювелирным и продовольственным магазинчикам.

Достигнув широкого въезда на территорию собственно рынка, мы были вынуждены остановиться и пропустить колонну тяжелых грузовиков, с ходу вдавившихся в транспортную суету большой улицы.

— Знаешь, — сказал он во время этой остановки, — ты был прав насчет длинного языка Викрама. Но дальше меня эта информация не пойдет. Впредь ни единого слова об этом ни с кем,

¹ *Хануман* — обезьяноподобное индуистское божество, один из главных героев эпоса «Рамаяна». Был наделен множеством чудесных свойств, в том числе способностью не сгорать в огне.

кроме как с тобой. Никогда. А если тебе вдруг понадобится моя помощь, только дай знать, и я тут как тут. Собственно, вот и все, что я пытался сказать с самого начала. Я сделаю это ради Аслана и того, что ты помог ему тогда, если не хочешь, чтобы я делал что-то ради тебя самого.

Не в первый раз за время бессрочной ссылки, в которую превратилась моя жизнь, я глядел в глаза, вспыхивающие, как маячные огни на вершинах скал при одном только слове «побег». За годы скитаний мне случалось быстро сходиться с людьми под старый бунтарский мотив, и преданность этих людей основывалась на факте моего побега в не меньшей степени, чем на каких-то моих личных качествах. Им хотелось, чтобы я остался на свободе, хотя бы ради сознания того, что *кто-то* сумел вырваться из цепких лап системы и не был захвачен ею вновь.

Я улыбнулся Навину. Не в первый и не в последний раз я полагался только на чутье, заводя нового друга.

— Рад познакомиться, — сказал я, протягивая руку. — Меня зовут Лин. И я не врач в труппах.

— Очень приятно, — сказал Навин, отвечая на рукопожатие. — Меня зовут Навин, спасибо за предупреждение. Всегда полезно знать, кто врач, а кто не врач.

— И кто не коп, — добавил я. — Пропустим по стаканчику?

— Ничего не имею против, — любезно согласился он.

В тот же миг я почувствовал, что кто-то дышит мне в затылок, и резко развернулся.

— Эй, полегче! — вскричал Джордж Близнец. — Полегче с рубахой, приятель! Это ровно пятьдесят процентов моего гардероба, чтоб ты знал!

Я разжал руку, перед тем успев пересчитать костяшками пальцев ребра на его тощем теле.

— Извини, старина, — сказал я, разглаживая ладонью смятую рубаху. — В другой раз не подкрадывайся к людям сзади. Уж ты бы мог это знать, Близнец. Когда-нибудь такой фокус выйдет тебе боком.

— Согласен, сам виноват, — признал Джордж Близнец, нервно оглядываясь по сторонам. — Видишь ли, у меня тут возникла проблемка.

Я полез было в карман, но Близнец меня остановил:

— Проблема другого рода, старик. Хотя, честно говоря, и этого рода тоже, однако безденежье — настолько постоянная проблема, что стала уже *метакультурным состоянием*, вроде уныло-однообразного, но прилипчивого саундтрека. Ты меня понимаешь?

— Не понимаю, старик, — сказал я, вручая ему несколько купюр. — Так в чем проблема?

— Можешь немного подождать? Я сейчас приведу Скорпиона.

— Хорошо.

Близнец вновь огляделся:

— Точно дождешься?

Я кивнул, и он исчез в толпе, обогнув ближайший прилавок с мраморными статуэтками богов.

— Мне уйти или можно остаться? — спросил Навин.

— Оставайся, — сказал я. — Близнец и Скорпион все равно не умеют хранить секреты, особенно свои собственные. Будь они радиоведущими, начали бы секретничать в прямом эфире. Кстати, занято было бы послушать.

Через минуту Близнец вернулся, ведя за руку Скорпиона.

Зодиакальные Джорджи — один из южного Лондона, другой из Канады — жили на бомбейских улицах и были неразлучны. Они в легкой форме зависели от семи разных видов наркоты и всеобъемлюще зависели друг от друга. Ночевали они в сравнительно комфортабельных условиях — под навесом у входа на склад — и зарабатывали беготней на посылках, сбытом наркотиков иностранцам и, временами, продажей информации местным гангстерам.

Они спорили и грызлись ежедневно, начиная с первых утренних зевков и до отхода ко сну, но притом были так искренне и крепко привязаны друг к другу, что за одно это все их знавшие любили зодиакальных Джорджей: Близнеца из Лондона и Скорпиона из Канады.

— Извини, Лин, — пробормотал Скорпион, когда Близнец подтащил его поближе. — Я уже было залег на дно. Это все из-за ЦРУ. Ты наверняка уже в теме.

— ЦРУ? Нет, я не в теме. Только что вернулся из Гоа. Так в чем дело?

— Нарисовался тут один субчик, — подхватил эстафету Близнец, и его более рослый товарищ быстро кивнул в подтверждение. — Седые волосы, хотя он совсем не старый. Ходит в строгом синем костюме и галстук, весь такой деловой.

— Он из ЦРУ, — прошептал Скорпион, наклоняясь ко мне.

— Не пори чушь, Скорпион! — зашипел Близнец в свою очередь. — На кой хрен ЦРУ нужны такие, как мы?

— У них есть приборы, читающие наши мысли, — продолжил шептать Скорпион, — даже сквозь стены.

— Если они могут читать наши мысли, нам тем более нет смысла говорить шепотом, верно? — сказал Близнец.

— Может статься, они специально запрограммировали нас на шепот, когда копались в наших мозгах.

— Да если бы они реально прочли *твои* мысли, они бы дали отсюда деру с воплями ужаса, чертов кретин! Удивительно, как

это я все еще держусь и не бегаю с воплями по улицам после общения с тобой.

Невозможно было предугадать, куда занесет Зодиак, когда они начинали спорить; и никаких ограничений по времени у этих споров не было. Обычно я с удовольствием их слушал, но порой это бывало некстати.

— Давайте-ка поподробнее о седом субчике в синем костюме.

— Мы не знаем, кто он такой, Лин, — сказал Близнец, прерывая свой монолог. — Но он уже два дня наводит справки о Скорпионе в «Леопольде» и в других местах.

— Он из ЦРУ, — повторил Скорпион, озираясь в поисках укрытия.

Близнец посмотрел на меня с плаксивой гримасой, означавшей: «И за что мне это наказание?» Он старался себя сдерживать. Сделал глубокий вдох. Но это не помогло.

— Если они из ЦРУ и умеют читать наши мысли, — взвыл он с зубовным скрежетом, — то на кой ляд им ходить повсюду и задавать вопросы?! Они подошли бы напрямиком к тебе и, хлопнув по плечу, сказали бы: «Привет, сынок! Мы только что прочли твои мысли. Нам нет нужды расспрашивать и выслеживать, потому что у нас есть специальные мозгокопательные приборы, которые читают ваши мысли, и все это потому, что мы — парни из грабаного ЦРУ». Разве не так? *Разве не так?*

— Ну..

— Наводя справки, он называл ваши настоящие имена? — спросил Навин с подчеркнуто серьезным выражением лица. — Он искал вас обоих или только Скорпиона?

Оба Джорджа уставились на Навина.

— Это Навин Адэр, — сказал я. — Он частный детектив.

Возникла пауза.

— Чтоб мне лопнуть! — наконец пробормотал Близнец. — Не очень-то *частный*, должно быть, раз ты громко объявляешь об этом посреди овощного рынка. Больше смахивает на *публичного* детектива, вам не кажется?

Навин рассмеялся.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — напомнил он.

И снова возникла пауза.

— А какого... какого *типа* детектив? — с подозрением спросил Скорпион.

— Детектив типа «сыщик», — пояснил я. — С ним ты можешь смело откровенничать, как на исповеди. Отвечай на вопрос, Скорпион.

— Ну, если пораскинуть мозгами, — сказал Скорпион, задумчиво разглядывая Навина, — то выходит, что спрашивал он про меня одного, не поминая Близнеца.

Робертс Г. Д.

Р 58 Тень горы : роман / Грегори Дэвид Робертс ; пер. с англ. Л. Высоцкого, В. Дорогокупли, А. Питчер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 832 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-10812-7

Долгожданное продолжение одного из самых поразительных романов начала XXI века.

«Шантарам» — это была преломленная в художественной форме исповедь человека, который сумел выбраться из бездны и уцелеть, разошедшаяся по миру тиражом четыре миллиона экземпляров (из них полмиллиона — в России) и заслужившая восторженные сравнения с произведениями лучших писателей нового времени, от Мелвилла до Хемингуэя. Маститый Джонатан Кэрролл писал: «Человек, которого „Шантарам“ не тронет до глубины души, либо не имеет сердца, либо мертв... „Шантарам“ — „Тысяча и одна ночь“ нашего века. Это бесценный подарок для всех, кто любит читать». И вот наконец Г. Д. Робертс написал продолжение истории Лина по прозвищу Шантарам, бежавшего из австралийской тюрьмы строгого режима и ставшего в Бомбее фальшивомонетчиком и контрабандистом.

Итак, прошло два года с тех пор, как Лин потерял двух самых близких ему людей: Кадербхая — главаря мафии, погибшего в афганских горах, и Карлу — загадочную, вожденную красавицу, вышедшую замуж за бомбейского медиамагната. Теперь Лину предстоит выполнить последнее поручение, данное ему Кадербхаем, завоевать доверие живущего на горе мудреца, сберечь голову в неудержимо разгорающемся конфликте новых главарей мафии, но главное — обрести любовь и веру.

УДК 821(94)

ББК 84(8Авс)-44

Литературно-художественное издание

ГРЕГОРИ ДЭВИД РОБЕРТС

ТЕНЬ ГОРЫ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.08.2019. Формат издания 60 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 57,72. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в филиале «Тульская типография» ООО «УК» «ИРМА».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ABB-18843-07-R